

шим образованием. Они бы и рады, но не понимают. Говорят — надо исходить из их уровня. Но это ужасно! Но ужасны и противоположные призывы: нет, ребята, надо тянуть зрителя! Меня тяни не тяни, если мне это не нравится, я раз посмотрела и больше не хочу. Выключаю.

Говорят, настоящее, действительно высокое искусство понятно всем. Тоже не всегда верно. Например, много лет назад я повела маму смотреть «Джунгли и духи» Феллини. Мне картина очень понравилась. Мама вышла совершенно разочарованная. Я сказала: «Мама, понимаешь, это такое ассоциативное кино. Нужно, чтобы человек еще сам додумал». И рассказала ей весь фильм, не вспоминая отдельных кусков, а сюжетно. Все то, что мне представил Феллини и сказал: теперь какую хочешь,

ЗЕРКАЛО ЗЕРКАЛУ

Наталья ГУНДАРЕВА.

— Наталья Георгиевна, в одном из интервью вы сравнили актера с глиной и крепких режиссерских руках. Но творческая личность, казалось бы, не терпит давления. И разве не мешает автору «глине» его собственная индивидуальность? Нет ли тут противоречия?

— Я не вижу противоречия. Мне кажется: чем актер как личность богаче, мощнее, больше знает, шире видит, глубже чувствует, тем у него больше возможностей проникнуть в мир другого человека. Многие люди. Вы возразите — но ведь нужно покоряться чужой воле. Так в этом и заключается профессия! Я не думаю, что, допустим, Джигарханян, Леонов или Смоктуновский изначально были настолько глупы, чтобы рассчитывать в театре на полную и никем не управляемую свободу: я вот личность, а все остальные — драматург, и режиссер, и актеры — должны вокруг меня «вращаться». Нет, по-моему, чем человек выше, тем он терпимее, внимательнее к другим. Вот мы репетируем спектакль «Виктория» по пьесе английского классика Тэренса Рэттигана — историю любви адмирала Нельсона и леди Гамильтон. Первый раз — а девятнадцатый сезон в Театре Маяковского — столкнулась сейчас в «плотной» работе с Арменом Борисовичем Джигарханяном. И вижу, что он гораздо восприимчивее всех нас к замечаниям режиссера, бережнее относится к дра-

«ДУША НАПОЛНЯЕТСЯ ПО КАПЛЕ...»

матургии. Потому что Бог ему в ухо дунул это понимание, терпение, мудрое отношение к другому человеку, его мыслям.

И наоборот, чем человек мельче — как личность, — тем амбиций больше, а играет хуже. Потому что все сужено, всего на копейку — и дым пожиге, и труба понижее. Такие будут светиться, теоретизировать, что-то доказывать, оттого что не могут понять. Понять — значит сделать. А они из-за того, что не понимают, ни сделать не могут, начинают разводить демагогию, говорильню, предлагают свои решения, которые тоже осуществить не могут. Наверное, им нужно оттянуть момент выхода на сцену, когда с тебя спрашивается по гамбургскому счету: ты можешь или ты не можешь?

Только не надо воспринимать «глину» как нечто аморфное и пассивное. Да, податливости. Но и свобода. Репетируя, я могу сделать все, что режиссер хочет, а потом показываю, чего хочу я. Потому что понимаю — он пробует, и я пробую. Мы оба ищем.

Но, если хотите, в нашей профессии, как ни в какой другой, заключается великое предательство самой себя. Когда тело твоё, а душа — чужая. И тут ничего не поделаешь, надо предавать себя, чтобы хорошо играть другого человека. Только отрывается от себя полностью и покоряется чему-то, тебе не свойственному, приходишь к открытию роли.

— Наверное, в каких-то вещах необходимо полностью доверять режиссеру. Но ведь далеко не все из них созвучны вам?

— Конечно, когда у тебя есть свой режиссер, вернее, ты у него есть, — это счастье. Скажем, Андрей Александрович Гончаров, с которым я работаю много лет. Он уже привык ко мне. А другой режиссер, допустим, Портнов, увидит нечто новое, даже для самой меня неожиданное. Поэтому не только интересно, но и необходимо пробовать и то, и другое. Легче всего сказать «нет». Хотя режиссеры разные, и с одним более интересно, с другим — менее. С третьим вообще неинтересно.

— Порой актер по всем параметрам гораздо выше очередного постановщика или роли, которую предлагают. Понимает, что это очередная конъюнктура или просто вещь слабая, к искусству отношения не имеющая. И — все равно берется. Понятно, надо зарабатывать, как-то кормиться, кормить семью. Но не трясет ли тут актер нечто большее, чем приобретает? Причем необратимо.

— Дело в том, что никогда неизвестно, за очень редким исключением, будет ли это акт высшего искусства или полный кошмар. Иногда средний сценарий, средний режиссер, а потом тебя объявляют лучшей актрисой года. Оказывается, фильм нажал на те болевые точки, которые очень созвучны сегодняшнему дню. А иногда сценарий, актеры — все замечательно. И тем не менее непонятно, зачем вообще сделана картина.

Конечно, в театре по молодости мне давали роли, которые самой не нравились. Но как я могла отказаться? Я на работе. Люди по наивности думают: ах, искусство! А это фабрика. У нас такое же производство, как везде. С финансовым планом, с премиями за соцсоревнования, с тринадцатыми зарплатами...

— Но в кино вы вольны выбирать?

— Вольна. Но иногда чувствуешь, материал слабый, а все равно надеешься вытянуть. Бывало, что и вытязгивала. Но можно играть замечательно, а камеру так поставили, что видно только твою уху. И хоть ты играл, хоть не играл. Тут нужно, чтобы все сошлось — режиссер придумал, актеры прочувствовали, оператор понял и снял.

И потом... Очень трудно определить, где искусство, а где не искусство. Скажем, Сокуров. Сейчас о нем много говорят. Только одни говорят, что рядом с нами живет гений, а другие — как вообще ему дают деньги на съемки? Или Кира Муратова. Для кого-то она выдающийся режиссер, а кто-то понять ничего не может. И не известно, что же все-таки нужно. Хорошо, будем создавать только элитарные филм-мы. А люди их не понимают! Вот сидит человек, рабочий — золотые руки или учительница с выс-

такую историю себе и придумай. Мама послушала и говорит: «А, ну если бы он так снял!» Я говорю: «Ну, он другой, понимаешь, он вот так мыслит». Мама: «Вообще он, конечно, необычно, интересно мыслит, я теперь понимаю». Для этого надо было устроить некоторый ликбез, хотя моя мама, скажем так, околотеатральный человек, у нее больше возможностей бывать в театрах, в кино. А простой, средний человек, чем он виноват, что не понимает Сокурова или Муратову? Повторю, достаточно трудно определить, где искусство. И когда берешься за работу, тоже не всегда знаешь. И никогда мы тут не договоримся. Наверное, должно быть все, потому что люди абсолютно разные, и они сами разберутся, что им надо.

— Есть чужие работы, к которым вы относитесь с завистью, с ощущением, что вас опередили или что вам такое не по силам?

— Знаете, это нельзя назвать завистью. Скорее, я испытываю чувство беспомощности, от которой могу, например, заплакать. Однажды слушала, как Вишневецкая пела Травиату, и заплакала оттого, что никогда не смогу так спеть. Что касается кино и драматического театра, столь непосредственных и острых проявлений, пожалуй, не было. Хотя я очень люблю актеров, особенно хороших. Восхищаюсь какими-то их работами, начинаю, как собака, смотреть восторженными глазами — надо же, какие люди бывают! Как же человек так может? Это какой-то необычный человек! Тогда забывается моя профессия, я перестаю ощущать себя сопричастной.

— Вы силонны создавать себе муми-роу?

— Думаю, сотворение кумиров свойственно юности. В тринадцать лет можно безумно любить, преклоняться, трепетать. И я собирала открытки с портретами актеров и кого-то боготворила. А потом наступает разумная любовь. У актеров, которыми сегодня восхищаюсь, я просто пытаюсь учиться. Понять их тайну. Найти ответы на измучившие меня вопросы. Хотя знаю, что бессмысленное занятие. До этих галактик все равно не долететь. Можно даже навредить: «ничего не приобретаешь, а себя ломаешь». И, наверное, каждый должен отвечать на вечные вопросы сам. Нужно искать свой путь. Но и опыт, свой и чужой, тоже, конечно, нужен. Еще — непрекращающаяся, изнурительная работа с утра до ночи, с ночи до утра. С ней и приходит опыт, и проясняется путь.

В моей душе давно живет один человек: Великий актер, великий труженик Федор Иванович Шалапин. И чем больше его читаю, о нем читаю, тем он неоступнее следует за мной. Или я за ним, не знаю... Но если спросят: «Наташа, кто-то бы ты стала вторым Шалапиным?» — отвечу: «Нет!» Некоторые актеры гордятся, когда про них говорят: он — второй Николсон. Или: она — новая Элеонора Дузе. Я не хочу быть никакой второй, пятой, сто сорок пятой. Хочу жить, радоваться, плакать, ненавидеть, восхищаться в своей жизни. И быть актрисой Гундаревой в родном Театре Маяковского. Пусть не на весь мир, а на улице Герцена, меня масштабы несколько не удручают. Пытаться быть самой собой в первом поколении. Если, конечно, во мне что-то есть.

— Но вы сами ощущаете себя принадлежающей лишь русской культуре или мировой тоже? Ведь многие у нас ставят Гундареву в один ряд с Мерил Стрип, Лайзой Минелли. Не чувствуете себя в некоторой клетке оттого, что нет выхода, скажем, на лучшие сцены мира? Не хотелось бы вам поработать с актерами и режиссерами мирового уровня?

— Нет, я не чувствую себя в клетке. Я считаю, что у нас актеры и режиссеры ничуть не хуже, чем на Западе. Наверное, из-за неразборчивой любви ко всему иностранному, не понимаю, что рядом пролазят бриллианты, мы закапываем россыпи, которыми богаты, может, во сто крат больше. Закапываем тем самым ковшом, которым уже семьдесят с лишним лет что-то роем... Да, у них больше возможностей. Благодаря рекламе, на которую тратятся колоссальные деньги. Но если внимательно рассмотреть все, что они там делают, — тоже не все равно. И у великолепных Лайзы Минелли и Мерил Стрип есть

просто плохие работы. Мы же знаем только об «Оскарах»...

Повторю: у нас актеры и режиссеры замечательные. Мы действительно страна Левшей и можем подковать блоху. Но выясняется, что никому это не нужно. Сейчас, когда многое возможно, оказалось — ничего и не требуется, кроме порнокартинки, хороша костюмированных фильмов на исторические темы, с красивыми женщинами, желательно с оголенной грудью и какими-то кусками в постели. И потом: мы настолько отстали в технологии кинопроизводства, что, боюсь, нам их никогда не догнать.

Конечно, мне как актрисе хотелось бы поработать, скажем, с Бергманом, со Стрелером, с Феллини. Я для себя сочла бы это большим актерским счастьем. Правда, неизвестно, чем бы все закончилось. Но все равно интересно проникнуть, приоткрыть эту завесу. Ну и вообще видеть мир! В этом смысле «клетка», наверное, пока существует. Я хоть не обделена во все, и в Америке уже раза четыре была, и по другим странам ездила, но все в стиснутых рамках: работа, съемки. Никогда не было возможности просто не спеша посмотреть...

— Впечатление сильное или вы вполне можете без этого прожить?

— Обычно, когда впервые выезжают за границу, особенно в капиталистические страны, это так поражает! А я из вредности, что ли, первый раз решила: ну и что особенного? Но с каждой поездкой, наоборот, все более поражает. Конечно, очень мощно там живут! Одно из восточных, кажется, ученых объясняет, почему человек не проживает жизнь полнокровно. Потому что мы всегда думаем либо про вчера — ой, я вчера! — или про завтра: побегу туда, потом поеду в аэропорт, там не забыть поставить машину, по дороге заскочить заправиться... А настоящая минута — вот я сижу и курю сигарету — уже прошла, она неповторима. А я в это время была неизвестно где. И так, мне кажется, мы все здесь живем. Я иногда просто ловлю себя на мыслях: Наташа, остановись! Ты поедешь, но это будет еще через час. Спокойно сядешь и поедешь. Почему сейчас-то уже ты куда-то едешь? Сейчас сиди, пей кофе и смотри на мир... А там умеют прожить каждую секунду. Это очень важно. Когда мне все же удается преодолеть постоянную лихорадку, «гонку» в мозгах, время растягивается и наполняется.

— Видимо, каждый актер опыт своей жизни несет на сцену на экран. Не происходит ли обратный процесс, когда сыгранные образы начинают исподволь влиять на его поведение, манеры, характер? Не «размывает» ли таким образом актер собственное уникальное лицо?

— Ну, это кто как. На меня мои роли оказывают влияние только в ходе работы. Допустим, играю бабенку в «Сладкой женщине» — этот фильм многие помнят — и замечаю, что и в жизни начинаю так же ходить, разговаривать... Но я понимаю, что это мои пробы. Заканчиваются съемки — и не остается никакого следа. Просто мне нужно на время войти в образ. С тем чтобы — потом и выйти. Иначе было бы... скучно. Говорят, в театре надо, знаете, как в жизни. Почему как в жизни? В театре надо, как в театре, а в жизни, как в жизни. Зачем путать? Я для себя совершенно не объединяю одно и другое. Хотя некоторые не выдерживают. И я, наверное, как и вы, не раз была свидетелем того, как человек просто гипертрофированно меняется. Ты знала одного человека, проходит время, и вдруг появляется такая манера. И уже этаким раз-го-вор... Все-таки мозги нужно иметь покрепче. Я, например, каждый вечер Богу молюсь и прошу: Господи, сохрани, не лишай разума. Все возьми, только разума не лишай...

— А вы в Бога веруете?

— Я верую в Бога, только не испуганно. Однажды в церкви в Меншиковой башне, у Кировских ворот, услышала, как батюшка произнес замечательные слова: Бог есть любовь. Вот в это я верю. Верю, что весь колоссальный запас положительного — лучшие устремления, мечты, любовь на протяжении многих тысячелетий и в других цивилизациях, о которых мы даже не догадываемся, — все это, в отличие от плоти, не умирает. И, вероятно, духовный опыт человечества преобразуется в какую-то новую, вышшую, до сих пор не исследованную людьми энергию. Ведь когда-то же мы не знали электричества, микроволны, еще чего-то. Правда, должна сразу сказать: я человек земной, лишена шаманства начисто. Но почему иногда будто кто-то тебе подсказал или какое-то предчувствие, которое потом сбывается, или идешь где-то впервые, а кажется, уже был однажды этот запах и это дерево тут стояло? Вероятно, взаимосвязь с духовным прошлым все же существует. И чтобы эту энергию как-то обозначить, нашли убеждающий зрительный эквивалент — лик Бога. Появились иконы, легенды о нем. А я верю в Бога, который есть любовь.

— Возможно ли достичь внутренней гармонии в наше негармоничное, распадающееся время?

— Некоторым это удается. Я, к сожалению, не умею. Наверное, тогда надо бросить профессию, потому что она, как никакая другая, требует публичности. Когда же начинаешь взаимодействовать с социальными, с уличной, с миром, тут и наступает кавардак. Дискомфорт пол-

ный. Гармония, по-моему, приходит, когда удается отстраниться от всего, уйти — в монастырь, в келью, в свой узкий мир. Например, у нас в театре был поразительный человек, который переписывался с Сахаровым, когда еще за это карали. Он, кажется, сам был физик, из изгнанных. Высокоинтеллектуальный, тонко чувствующий человек с библейским лицом. Работал у нас, по-моему, в столовке, возился с деревом и не хотел больше общаться с внешним миром. Это был тоже своеобразный уход.

А я, наверное, так и буду — репетиции, спектакли, съемки... Просто от усталости иногда думаю: сейчас бы уйти из театра! Вот тогда душа успокоится. Ну, она успокоится на три дня. А через три дня звоно: а работа! Жизнь проходит...

— Почему же? Всякий человек, тем более художник, тем более так беспощадно себя расходующий, имеет право на творческую паузу, даже на кризис. Наконец, надо просто отдохнуть, накопить силы, энергию, душу. Осмыслить все, что происходит вокруг...

— Мне кажется, душевные накопления нельзя рассматривать таким образом, что вот стоит ведро и нужно дожидаться, когда пойдет дождь, чтобы оно наполнилось. Душа наполняется по капле. И моя задача — бегать по городам и авсям, на север, на юг и где-то все по капле собирать. У меня нет возможности остановиться. Я, конечно, понимаю, что живу на износ. Но это профессия. Так и надо понимать. Я вот несколько месяцев в поезде жила, потому что по три раза на неделе ездила в Ленинград сниматься в новом фильме по сценарию Вити Мережко «Собачий пир». Лихому врагу не пожелаешь таких «путешествий»! Если еще учесть, что в поездах не сплю... Но уж больно роль для меня необычная. Меня привыкли видеть в образах, как говорится, благополучных. Может, потому мои героини нравятся, что я людей в некоторую сказку ввожу. Изображая мать десятирých детей, мы не столько о ее проблемах говорим, сколько о возможности такого счастливого бытия. Этаким, знаете ли, туман. И подобных туманных ролей было достаточно. А здесь, в этом фильме, совсем другое. Думаю: как отказаться? Нельзя! Ничего, поезжу. Потом отдохнем...

Этот сценарий, на первый взгляд, жутковатый, о двух пьяницах, почему-то меня очень зацепил. При всей жуткости, мордобоя, при том, что пьют, вдрюк казалось: картина может быть очень гуманной. Посмотрите, что вообще сейчас происходит. Многие начисто забыли, я не говорю, об идеалах, просто — об элементарных принципах общечеловеческого бытия. А эти двое, мужчина и женщина, находясь даже не на грани, а уже за гранью человеческого бытия, оказываются очень человечными. Понимают, что, вероятно, обречены, не высочить из пропасти, в которую их столкнула жизнь. Но они все время чувствуют рядом с собой человека. И у этих пащих, казалось бы, людей есть своя гордость, есть достоинство. Они не могут пасть ниже, чем некоторые, так называемые «порядочные» граждане, которые, скажем, берут взятки, находясь на высоте положения... А эти двое ни за что не выпьют на чужие деньги, потому что есть достоинство. Их случайно сталкивает жизнь, они вместе попадают в страшные ситуации, но выходят из них людьми, поддерживая друг друга. Мой партнер — Сергей Шакуров...

— Все деформации нашего общества происходят для вас не по касательной, а через сердце?

— Знаете, я пытаюсь в последнее время вообще от всего отойти. Почти не включаю телевизор. Все равно все знаешь. Старую не читаю газет, составляю себя не активизироваться, не вникать, иначе очень озлобляется душа. Жестокое время. Вранье возводится уже в ранг общения на уровне всей системы. И никто не хочет просто работать. Очень мало осталось действительно порядочных людей, воспитанных на том, что работать надо. Истреблены классы, которые жили и трудились осознанно. Истреблены лучшие. Что теперь? О какой национальной гордости тут говорить? Я посмотрела, как американцы любят свою страну, гордятся ею! А мы так долго рассуждали о патриотизме, чувстве долга, позволяя стране грабить, продавать. Кусками же уносат.

Мне всегда казалось, что демократия — это уважение плюс уважение. А сейчас почему-то стало возможным в любом человеке выискывать и обнаруживать самое плохое, что, может, он сам от себя скрывает. На этом тоже кто-то зарабатывает привилегии, делает себе имя. Потом окажется, что этот «кто-то» сам приличным мерзавцем. Несмотря ни на что, иным людям я никогда не верила и не поверю. А иным верила и верю всегда. Может, потом окажется обманутой, но я им верю.

— А там бывало?

— Нет, больших потрясений не было. Наверное, потому, что с годами стала все меньше и меньше общаться глубоко. Старую друзей уже не приобретаю и не расширяю круг близких знакомых. Я человек контактный, но обычно держу на расстоянии, не вступаю в тесные отношения, которые могут обнаружить несостоятельность обеих сторон. Очень боюсь разочарований. Вообще пришла к выводу, что в жизни у меня есть две подруги и от добра добра не ищут. Ведь дружба требует много времени, сил, а у меня с этим туго. Покая ведь тоже хочется.

— Недавно в издательстве «Искусство» вышла книжка о вас. Подробный рассказ о ролях, сыгранных в театре, кино, на телевидении. Своего рода справочник. Но самой Натальи Гундаревой, живого, осязаемого человека, там, на мой взгляд, нет.

— Мне кажется, эта книжка получилась все-таки теплой. Но вообще все наши творческие портреты — какая-то плоская иллюстрация к тому, что мы делаем на самом деле. Если снимать для ТВ, скажем, «Леди Макбет Мценского уезда», то не как я играла на сцене, а что происходит за кулисами, когда меня в одну секунду переодетают, я дышу, как зогнанная лошадь, и едва слышу: «Выдохни!», «Люся, промокни!» А потом выхожу на сцену и говорю: «Ох, заспалась я!» Или когда заканчивается спектакль, я лежу на матрасе и вообще уже не дышу, потом уползаю на карачках, чтобы мигмом переодеться и как будто бы свежей выйти на поклонно. Вот что надо снимать. А снимают — снова туда, где море огня! Может, и правильно, я не знаю. Люди, наверное, должны думать, что хоть мы живем хорошо. Весело. Иначе вообще, что ли, ничего не останется в утешении...

Беседовала
Елечь ПРАХИНИНА
Фото В. ПЛОТНИКОВА